

ВАСИЛІИ НЕМИРОВИЧЪ ДАНЧЕНКО

ПУСТОЙ

редутъ.

Ю. РЕНАРЪ

ИЗДАНИЕ

А. Я. ПАНАФИДИНА.

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

А. Я. Панафидина.

МОСКВА, Покровка, Далинь пер., соб. д., № 11—13.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Александровъ Н. А.

НАРОДЫ РОССИИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Вып. I.—Пустыни сѣвера и ихъ ночующіе обитатели.

Иллюстрировано М. Микѣшинымъ, А. Шарлеманемъ и др.

Изданіе 2-е.

Въ первомъ изданіи рекомендуется, какъ необходимое пособіе, Учебнымъ Комитетомъ IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, при преподаваніи географіи Россіи въ старшихъ классахъ институтовъ и женскихъ гимназій, а также въ учительской семинаріи Воспитательнаго дома. Одобрена учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для бібліотекъ гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищъ. Рекомендуется Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, для бібліотекъ, мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ. Одобр. Главн. Управлен. военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ военныхъ гимназій и прогимназій. М. 1898 г.

Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Тожѣ. Вып. II-ой. — Иностранцы лѣсовъ (Сибирь), съ рисунк. Брожа и друг. М. 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к. Оглавленіе: Камчадалы съ Курильцами, Тунгусы, Амурскіе Тунгусы (Орочане, Манягры, Бирары, Мангуны или Ольчи и Орочи), Гольды и Гиляки, Якуты и Долгане, Вогулы, Сибирскіе Татары и Бухарцы, Алтайскіе Калмыки, и толкователь.

Его-же. Волга. Этнографическіе рассказы для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Въ первомъ изданіи одобрена Мин. Нар. Пр. для употребленія въ низшихъ училищахъ и внесено въ опытъ каталога ученич. библ. среди. уч. зав. Вѣд. Мин. Нар. Пр. и для безплатныхъ народныхъ читаленъ. М. 1898 г. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

В. И. Немировичъ-Данченко.

ПУСТОЙ РЕДУТЪ.

(ИЗЪ ВОЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

V.

СОБСТВЕННОСТЬ КНИЖНАГО СКЛАДА,
спеціально для иногороднихъ,

А. Я. ПАНАФИДИНА.

Покровка, Лялинъ пер., соб. д., № 11—13,
въ Москвѣ.

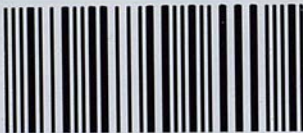
МОСКВА.

Первая женская типографія Е. Гербекъ, 2-я Мѣщанская, 26.

1899.

Дозволено цензурою. Москва, 20 марта 1899 г.

5806-0

2007052733

Пустой редутъ.

(Изъ военныхъ очерковъ).

Зловѣщею казалась ночь на 28 ноября.

Полкъ шель осторожно. Разсыпанныя впереди цѣпи подвигались, чуть не затаивъ дыханіе... Слова не было слышно въ рядахъ. Изрѣдка только звякаль штыкъ о другой, да звенѣль котелокъ у солдата... Глухой шорохъ шаговъ скрадывался рыхлымъ снѣгомъ... Слова команды отдавались шопотомъ и шопотомъ перебрасывались дальше. Поминутно останавливаясь, посылали впередъ два-три звена... Тѣ зорко высматривали мѣстность и возвращались, ведя за собою остальныхъ. Окрестность казалась столь же пустынной, какъ и вчера, когда между нашими и турецкими аванпостами не было никого... Ни одна живая душа наканунѣ не осмѣлилась бы двинуться въ этотъ роковой промежутокъ.

Впереди охотники... Этихъ человекъ тридцать. Велъ ихъ вольноопредѣляющійся Малыгинъ.

У самаго Брестовца Скобелевъ подѣхалъ къ отряду.

— Еще разъ попрощаться съ вами, братцы!.. До скорого свиданія... Полковникъ, охотники выбраны?

— Нѣтъ еще, ваше превосходительство.

— Между такими молодцами и выбирать нечего... Справа отсчитайте тридцать человекъ... Кто у васъ изъ надежныхъ унтер-офицеровъ?.. А, Малыгинъ, радъ видѣть!.. Ну-ка, георгіевскій кавалеръ, примите команду... Вотъ что, Малыгинъ, на васъ теперь вся отвѣтственность... Идите такъ, чтобы правая нога не слышала лѣвой... Дойдете до цѣпи—пріостановитесь, пока полкъ подтянется... Если турки сняли аванпосты—по моимъ свѣдѣніямъ, это легко можетъ случиться,—пошлите людей дать знать объ этомъ, а сами впередъ. Высмотрите, зачѣмъ у нихъ костры разложены... Если у костровъ народу мало, постарайтесь переколоть, только безъ тревоги—бросились, перебили эту сволочь и дальше. „Ура“ отнюдь не кричать. Если народу много—дождитесь своихъ... До траншей дойдете — тоже... А тамъ, полковникъ, вы знаете, что дѣлать!.. Ну, такъ, молодцы съ

Богомъ!.. Малыгинъ, смотрите же, заслужите золотого Георгія .. Безъ него назадъ и глазъ не показывайте...

„Эту сволочь“... Почему же сволочь?..— шевелилось въ головѣ Малыгина, когда онъ двигался по мокрымъ скатамъ и точно насквозь прогнившимъ лощинамъ. Его, впрочемъ, отчасти и радовало данное ему порученіе, хотя въ этой радости золотой Георгій не игралъ никакой роли.

Онъ взглянулъ на своихъ солдатъ, насколько темнота позволяла различать ихъ. Заурядныя, оловянные фигурки двигались не спѣша, не представляя, повидимости, ничего особеннаго. Трудно было бы со стороны угадать въ нихъ людей, которыхъ вели на смерть, на вѣрную смерть... Тѣ же простыя утомленные лица, тѣ же кепки на затылокъ, то же стараніе итти въ ногу, хотя здѣсь этого никто не требовалъ и никто за этимъ не наблюдалъ. Одинъ было трубочку засвѣтилъ, да на него цыкнули товарищи, и онъ съ видимымъ сожалѣніемъ запряталъ въ карманъ носогрѣйку...

— Ахъ ты, доля!.. И курнуть не дадутъ.

— Ладно, курнешь потомъ.

— Когда потомъ? Знамо дѣло, на что идемъ...

Подъ разстрѣль.

— Ну, ужъ?..

— А что жъ, турка смотрѣть станетъ, какіе на тебѣ узоры написаны! У ево, братъ, скоро.

Разговоръ шопотомъ, точно крался сторонкой Шорохъ совсѣмъ заглушалъ его.

— Нельзя—служба...

— Знамо, нельзя... На то солдатъ... А только и солдату курнуть передъ концомъ куда какъ лестно... А опослѣ—ради стараться...

— Это что говорить!

— То-то же и оно...

Охотники были впереди... Малыгину показалось, не слишкомъ ли онъ далеко отошелъ отъ стрѣлковой цѣпи... Онъ приостановилъ своихъ... Съ полчаса дождались и разсыпали глухой шорохъ полка только тогда, когда онъ былъ въ двухстахъ шагахъ... Двинулись опять...

Лощины направо и налево... Черныя, предательскія... Холмы за холмами... Налѣво Кришино... Дойдя до него, Малыгину пришло въ голову, не скрывается ли въ селѣ засады... Онъ осторожно пошелъ туда... Одинъ пошелъ—что же рисковать жизнью другихъ?... Жутко было... Въ сторонѣ замиралъ медленный шагъ его солдатъ, впереди ничѣмъ не возмущаемая мрачная тишина... Именно мрачная. Она точно грозилась. Онъ прислушивался, и съ каждымъ шагомъ ему все дѣлалось

Холоднѣе и холоднѣе... Шорохъ впереди... Малыгинъ замеръ... Весь въ слухъ ушелъ... Глазами ничего не разглядишь — темень внизу... Дѣйствительно, шуршитъ что-то... Придвинулся еще и вздохнулъ свободнѣе... Оказалось, подъ снѣговымъ налетомъ вода журчитъ — горный ручей прососался и ропщетъ на холодныя оковы зимы, что заслонили его отъ робкихъ звѣздъ, отъ яснаго солнца. Ропщетъ, пыжится, пѣнится, но, бессильный сбросить съ себя снѣговой насть, скатывается въ сырую щель лощины... Шумъ ручья позволилъ Малыгину итти смѣлѣй. Его шаговъ не различать теперь... Вонъ, впереди какое-то темное облако... Садъ, должно быть... Такъ и есть. Кришино начинается здѣсь... Съ голыхъ вѣтвей падаютъ хлопья снѣга... На шею Малыгину, на лицо... Влажными каплями сбѣгаютъ за воротникъ... Вонъ первые обгорѣлые дома... Жертвы нашихъ гранатъ... Ловко стрѣляли тогда артиллеристы.. Въ темнотѣ и то замѣтно черное пожарище...

— Чу, что это?... Шевельнулось что-то... Около шевельнулось... У самыхъ ногъ...

Холоднымъ потомъ обдало. Нѣтъ, опять все спокойно...

Малыгинъ нагнулся, нога на головню пала и скользнула, разбросивъ кругомъ еще нѣсколько такихъ же...

Пошелъ по улицѣ... Пустынные дома... пустынные землянки... Лаесть въ сторонѣ собака. Не почуяла ли его? Нѣтъ... Лай перешелъ въ ворчаніе, видно, песъ успокаивается... Смолкъ... Свернулся, должно быть... Вонъ огонекъ впереди... Или мерещится? нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, огонекъ... Мигаетъ, будто сонный глазъ. На огонекъ пошелъ... Вѣрно, турки... Постъ у нихъ. Нѣсколько часовыхъ забрались въ землянку. Чего тутъ мокнуть на снѣгу?.. Должно быть, не ждутъ ничего... Вотъ окно уже близко. Огонь заморгалъ оттуда нѣсколько быстрѣе. Видимое дѣло, въ печь новаго хвороста подбросили. Онъ и вспыхнулъ, облизывая горячими языками краснаго пламени глиняныя стѣнки камина...

Малыгинъ уже у окна... припалъ къ нему, зорко, пристально смотреть... Странное дѣло—ни одного турка. Сидитъ передъ огнемъ какая-то баба и раскачивается во все стороны. Черная голова на красномъ фонѣ. Рядомъ пеперекъ пола лежитъ кто-то, спитъ, вѣрно.. Что это, плачь слышенъ?.. Нѣтъ... Точно поетъ она. Прислушался и понялъ... Причитаетъ, должно быть... Вѣрно, турки убили у нея кого-нибудь... А кто это спитъ тутъ? Не турки ли?.. „Была не была—войду...“

„Какую я глупость дѣлаю!“—соображаетъ онъ, ступая по мокрымъ ступенькамъ внизъ

въ землянку... А самъ чувствуетъ, что не сдѣлать этой глупости не можетъ, ноги какъ-то сами собой двигаются...

„Какую я глупость дѣлаю!..“ чуть не вслухъ сказалъ онъ, взявшись за дверь.

Оставалось только толкнуть ее... Сердце замерло, замерло... „Господи!..“ Толкнулъ...

Баба, сидѣвшая у огня, оглянулась. Увидѣла солдата—вскочила... Стала у печки... Дрожить...

Малыгинъ съ недоумѣніемъ смотритъ на нее... „Здравствуй!“ Руку ей протягиваетъ.

— Добре дошедъ!—робко-робко заговорила она.—Руссѣ?..

— Руссѣ, руссѣ...

Болгарка что-то злобно и громко заговорила... Схватила его за руку, подтащила къ лежавшему на полу человѣку.

Только теперъ Малыгинъ замѣтилъ, что это былъ болгаринъ. Лежалъ онъ странно, навзничъ, безъ подушки, затылкомъ прямо въ плотно убитую глину пола; глаза сжаты, губы стиснуты. На лбу синякъ...

Чего ей нужно? Заболтала еще злобноѣ и еще громче...

— Тише ты!—пригрозилъ онъ ей. Она только отвела голову, точно онъ хотѣлъ ее ударить.—Чего орешь?

Сорвала она свитку, покрывавшую болга-

рина... Малыгина отшатнуло... Вся грудь выворочена. Въ крови...

— Турци?... То турци?..

— Не... Не, не турци—братушки руссы...

Не можетъ быть!.. Прислушивается къ ея быстрому-быстрому говору... Понялъ, наконецъ. Изъ нашихъ брестовецкихъ батарей попала граната въ Кришино и положила наповаль несчастнаго братушку... Болгарка хватаетъ Малыгина за шинель... Тормошитъ, грозитъ... И снова плачетъ, плачетъ.

Успокоилась... Съела къ огню опять... Причитываетъ, всхлипывая.

Сталь спрашивать ея Малыгинъ. Не отвѣчаетъ, видимо, тошно ей глядѣть на него. За плечо взялъ—оглянулась...

— Турки гдѣ?

— Няма.

— Чего няма, я тебя спрашиваю: гдѣ турки?

— Иоване, Иоване!

— Чего кричишь?...—останавливаетъ ея Малыгинъ.

— Иоване... Иоване!..

На зовъ, въ другой совсѣмъ темной горницѣ той же землянки что-то зашуршало... Малыгинъ схватился за револьверъ... Тяжелые шаги слышны...

— Добре дошедъ!.. привѣтствуетъ его рослый болгаринъ. Крестится... Видимо, тоже

струсилъ и хочеть показать русскому „аскеру“, что онъ христіанинъ.

— Добре дошедъ, братушко!

Лѣзеть къ нему съ заскорузлой лапой.

— Гдѣ турки?..—спѣшно спрашиваетъ Малыгинъ.

— Няма турцей.

— Куда же они дѣлись?

— Сички сбѣгали.

— Какъ сбѣгали? куда сбѣгали?

Болгаринъ принялся пояснять. Малыгинъ, наконецъ, понялъ, что еще утромъ здѣсь были турки, но пришелъ чаушъ*), собралъ ихъ всѣхъ и увелъ за собой. Турки ушли отсюда, ничего не тронувъ и никого не обидѣвъ. Куда, онъ не знаетъ.

— Не въ табію (редуть) ли свою они ушли?

— Не знаю, не знаю. Можетъ, и въ табію, только очень-очень спѣшно.

— Значить, ихъ въ селѣ нѣтъ никого?

— Ни одного человѣка. Большой тутъ лежалъ, они и его унесли съ собой. Стадо тутъ же паслось—угнали въ Плевно.

— Иди-ко за мной... Дорогу намъ покажешь.

Болгаринъ покорно нахлобучилъ баранью шапку и пошелъ. Въ дверяхъ Малыгинъ оглянулся. Передъ пламенемъ камина все такъ же сидѣла женщина и печально выпѣвала что-то.

*) Чаушъ у турокъ унтеръ-офицеръ.

Проходя по пустымъ улицамъ окутаннаго ночьюю теменью села, Малыгинъ все еще не могъ успокоиться. Очевидно, болгары здѣсь не расположены къ намъ. Мы ихъ били съ своихъ батарей, мы ихъ обездолили совсѣмъ. Что ихъ удержитъ скрыть готовую засаду?... Съ револьверомъ въ рукѣ, готовый на все, онъ, тѣмъ не менѣе, не могъ подавить какое-то трусливое, подленькое чувство, заставлявшее его опасливо вглядываться въ каждую хату, слѣпо чернѣвшую своими пустыми окнами, въ каждую боковую улочку... „Пять пуль имъ, шестая себѣ“—соображалъ онъ возможность нечаяннаго нападенія.

Онъ успокоился только тогда, когда Кришино осталось позади.

Теперь онъ быстро шелъ впередъ. Отвага и бодрость росли по мѣрѣ удаленія отъ этого села. Теперь онъ ключомъ били въ его жилахъ. Что нужды — быть-можетъ, смерть усторожитъ его спустя полчаса—все равно, теперь на эти нѣсколько минутъ онъ совсѣмъ безопасенъ. На поворотѣ въ лощину, откуда слышались шаги подступавшихъ справа солдатъ, Малыгинъ оглянулся.

— Эй, братушко! Гдѣ ты?

Отвѣта не было. Позади стояла все та же мертвая тишина,

— Куда онъ запропастился? Неужели ушелъ? Эй, болгаръ!

То же молчаніе ночи. Та же тьма, въ которой сливались въ одно морево и деревья, приклонившіяся къ скатамъ, и самые холмы.

— Такъ и есть, ушелъ свинья!—озлился Малыгинъ.—Впрочемъ, безъ него обойдемся.

— Что тутъ? кто тутъ? крикнулъ Малыгинъ, почувствовавъ, что чья-то рука крѣпко сдавила его за горло.

— Батюшки, нашъ!

— Нашъ и есть.

— Что вы, братцы? Какъ вамъ не стыдно?

— А почему узнать тебя въ темени экой? Слышимъ, кто-то шибко идетъ, ну, и подстерегли.

— Какого полка?

— Да вашего же, ребята! Не узнали. Ходилъ въ Кришино узнать, нѣтъ ли чего.

Спустия полчаса, Малыгинъ догналъ охотниковъ, дожидавшихся его въ полуверетѣ отъ мѣста, гдѣ утромъ еще стояли турецкіе аванпосты.

Тихо-тихо двигался туда небольшой отрядъ охотниковъ.

Нѣсколько позади линіи аванпостовъ уже гасли костры... Видимо, дрова сгорѣли, красные угли подергивались золою... По пути ничего не цопалось... Послѣднія робко мигавшія

звѣзды затянуло сѣроватыми облачками... Легкій туманъ клубился въ лощинахъ... Не сжатая кукуруза стояла кое-гдѣ щетиной надъ рыхлымъ снѣгомъ.

— Сейчасъ они насъ почувуютъ... Сейчасъ ихніе часовые пугать почнутъ.

— Залпой?—послышался опасливый голосъ солдата.

— Ну, вотъ, сразу да залпой! Сначала въ разброску, а послѣ по командѣ и залпа будетъ,—успокаивалъ его товарищъ.

— Не обойдешься!

— Все единственно, что они бы къ намъ.

— Тише, братцы, тише...—шопотомъ предостерегалъ ихъ! Малыгинъ, проходя вдоль цѣпи.

Солдаты и сами стихли... Едва-едва двигаются, подобрались. Дышать стараются такъ, чтобы товарищъ рядомъ не услышалъ. Гдѣ-то звякнула манерка, рядомъ шедшій солдатъ машинально толкнулъ виновнаго—тотъ молча поправился, будто такъ и слѣдуетъ... Малыгинъ чувствовалъ, какъ опять возбужденно забилося у него сердце... Вотъ-вотъ, сейчасъ... Только изъ лощины выберутся, тутъ и есть цѣпь ихняя...

Вверхъ изъ лощины идутъ уже нехотя. Точно что-то тяжелое къ ногамъ пристало, едва оторвешь ихъ отъ снѣга... Только глаза

зорко смотрятъ въ темень наверху, да ухо чутко слушаетъ, чутко до боли... Но пока на гребнѣ не видать ничего, одна тьма. Ухо не можетъ уловить никакого звука... Ни слова оттуда, ни стука ружья, ни шаговъ чловѣка не слышно. До половины взобрались... Приостановились ..

— Стой, ребята... Я впередъ пойду!—чуть не каждому шепчетъ на ухо Малыгинъ.

И самъ онъ, и всякій, кто слышитъ его, чувствуютъ нервную дрожь въ его голосѣ. На опасное дѣло идетъ—судьбу свою чувствуетъ.

Охотники остановились точно вкопанные, гдѣ кого застало приказаніе... Остановились и слушаютъ. Такъ и тянетъ прилечь—врасти въ землю. Слушаютъ. Вотъ-вотъ сверкнетъ наверху огонекъ и раздастся первый осторожный выстрѣлъ что-то неладное почувствовавшего турка. Вотъ-вотъ рядомъ по гребню побѣгутъ такіе же огоньки... И пойдетъ кутерьма. Господи! Кому первому?...—думаетъ про себя каждый изъ охотниковъ и загодя крестится.

Малыгинъ уже не идетъ, а совсѣмъ крадется наверхъ. Ногу за ногой. Поставитъ впередъ, навалится на нее и переводитъ другую. Совершенно не слышенъ самому его шагъ сталь... Сердце бьется гораздо громче, чѣмъ ноги ступаютъ въ рыхлый снѣгъ. Въ голову

кровь стучить слышнѣе... Изъ-подъ сапога комъ снѣгу сползъ... Шуршитъ внизъ. Малыгинъ остановился... „Однако, какъ нервы расходились“ — проносится въ его головѣ, помимо его воли, точно это кто-нибудь другой думаетъ, а не онъ. „Совсѣмъ размякъ — бабой сталь... Что со мною?“ А тамъ опять мысль: „сейчасъ — наткнуся... Сію минуту замѣтятъ...“ И еще громче сердце... И еще тише шагъ.

Чу... Ужъ гребень... Темная кайма его направо... Что же это — никого нѣтъ?... Костры близко. Кое-какъ свѣтятся еще... На отсвѣтъ ихъ — ничей силуэтъ не чернѣетъ... Сталь неподвижно, прислушивается: ничье дыханіе не нарушаетъ безмолвія ночи... Снизу донесся какой-то загадочный звукъ... Тамъ наши... А вверху все словно на кладбищѣ... Шорохъ... Угли въ кострѣ провалились внутрь. Нигдѣ никого... Пошелъ вправо, шаговъ двѣсти сдѣлалъ, налѣво тоже никого...

Гораздо уже увѣреннѣе сползъ внизъ... Послалъ сказать въ стрѣлковую цѣпь, что кругомъ ни одного турецкаго солдата не замѣтно.

— Къ чему же костры?

Шель, шель опять... Запнулся на что-то... Поднялъ — солдатская сумка, только не наша. Брошена, вѣрно. Вонъ еще тряпка на

енѣгу... Жестяной ящикъ отъ пуль... Куда же турки дѣвались?... Не отступили ли въ траншеи?..

До костровъ добрались—никого, дѣйстви-тельно, нѣтъ... Тишина полная.

Осталось только одно предположеніе—впол-нѣ вѣроятное: турки оставили аванпосты, турки ушли въ Кришинскій редуть!

— Такъ, что енѣ, братъ, не сироста...

— Ну!

— Енѣ это залучить насъ подальше ду-маетъ.. А какъ залучить, тутъ енѣ и вдарить. Тоже не безъ хитрости. Экую позицію да безъ бою сдать.

— Съ чего только енѣ костры пораскла-далъ?

Около костровъ было наслѣжено. Видимое дѣло, еще недавно толпились люди.

Не успѣли отойти подальше, какъ изъ-зади прискакалъ ординарецъ.

— Гдѣ охотники?—кричалъ опъ во всю.

— Здѣсь!—все-таки шопотомъ отвѣчали тѣ.

— Идите прямо на редуть. Генералъ при-казалъ. Никуда не сворачивая, идите. Если кого-нибудь встрѣтите тамъ—переколите... За вами сейчасъ весь полкъ... Кто здѣсь командуетъ?

— Я. Вольноопредѣляющійся Малыгинъ.

— А, Малыгинъ, здравствуйте! Наши на

Зеленыхъ Горахъ заняли безъ выстрѣла турецкія траншеи.

— Что это значитъ?

— Радишевскія позиціи тоже пусты.

— Да чѣмъ же вы это объясните?

— Тѣмъ, что они всѣ силы свои стягиваютъ на р. Видъ.

— Вона!

— И завтра чуть свѣтъ попытаются прорваться черезъ гренадерскія позиціи... Досада, право! Этакое вѣдь счастье людямъ, вся слава завтрашняго дня достанется на долю гренадерамъ!

— И всѣ потери.

— Что потери? на то и война.

— Однако!..

— Мало развѣ у насъ было потерь?

„Дорого достается такая слава“, думалось Малыгину, когда онъ двинулся впередъ. Солдаты тоже пошли шибко-шибко. Всѣ предосторожности были пока позабыты. Штыки лязгали о штыки, манерки звенѣли, солдаты громко заговорили и стали пересмѣиваться. Кое-гдѣ засвѣтились трубочки. Стали попы- хивать.

— Хорошее дѣло! . Завтра нашей шасна- дцатой дивизіи отдыхъ.

— Да... Пущай таперь другіе. Мы ужъ довольно старались!

— Слава те, Господи, а то какъ пекло какое найдется, сичасъ нашихъ туда.

„Эти вотъ не завидуютъ славъ завтрашняго дня“, думалось Малыгину. „А они правы. Растеряли довольно товарищей!“

И опять уже нѣсколько дней томившее большое чувство закралось ему въ душу. Тоска безпредметная...

„Однако, что же это у меня? Еще неизвѣстно, есть ли что впереди, а солдаты со всѣмъ ужъ и губы распустили“.

— Братцы, что же это? Развѣ такъ можно? Ну, а какъ онъ васъ залпомъ встрѣтитъ?

Мигомъ подтянуло. Штыки ровнѣе, трубки погашены.

— На Зеленыхъ Горахъ, бають, безъ боя.

— То на Зеленыхъ. А тутъ онъ, можетъ, только замануть желаетъ.

Вотъ впереди зубчатый валъ траншеи. Мелькнулъ и опять спрятался въ темноту.

Молчаніе тамъ. Если бы кто былъ, давно бы услышали нашихъ. Ближе подошли—то же молчаніе.. Одному изъ солдатиковъ надоѣло.

— Семь-ко я, братцы, къ ему!..

— Куда ты, Офросимовъ?

— Съ разбѣгу—къ бритому чорту!

— Да енъ тебя.

— Я, братцы, его мухамедскаго буйлу самъ по башкѣ.

И Офросимовъ бѣгомъ въ траншею.

Векинулся на валъ—спрыгнулъ туда и самъ заробѣлъ на первыхъ порахъ... Хоть бы одинъ аскеръ его встрѣтилъ. Нѣтъ, та же тишина мертвая... Траншея пуста... Зловѣще пуста... Такъ пуста, что даже страшно...

Выбѣжалъ прочь Офросимовъ.

— Ну, что?

— Не ладное дѣло, никого не засталъ...

— Что жъ ень задумалъ?

— Это не къ добру... Пусто скрозь... Только хурда-мурда разбросана, а то ничего... Ни одинаго пса...

Солдаты вошли въ траншею и стали дожидаться стрѣлковую цѣпь...

Глухой топотъ издали... Въ темнотѣ ночи выдѣлилась сначала довольно смутно стрѣлковая цѣпь. Точно кайма какая-то шла сюда. Потомъ эта кайма разбилась на отдѣльные пятна, изъ отдѣльныхъ пятенъ опредѣлились люди... Подошли... Приклады ружей глухо стукнули о земь у самаго бруствера траншеи.

— Садись, ребята!.. Отдохни. Нужно будетъ еще къ редуту перебѣжать, такъ чтобы съ свѣжими силами...

Шорохъ сающихся солдатъ, нѣсколько огоньковъ отъ носогрѣекъ. Легкій говорокъ,

притаивающійся, въ которомъ осторожность и страхъ до того перемѣшались, что ихъ не отличишь другъ отъ друга, и снова шорохъ позади... Новая цѣпь подошла... Опять звякнули приклады.

— Ну, что, ребята, все слава те, Господи!—спрашиваютъ изъ новой цѣпи.

— Лучше не надо. Чисто...

— По правдѣ, по истинной ежели, турка грѣхъ охаеть!

— Чего его хаеть—солдатъ хорошій!

— Исправный воинъ, что говорить!.. Тоже не по своей волѣ пошелъ, поди, изъ ихнихъ и жанатые есть?

— Какъ не быть.

— То-то же... Самые, значить, мученики. Потому не о себѣ, а объ дѣткахъ забота..

— Дуракъ и есть; да рази съ легкимъ сердцемъ колоть можно?

— А то какъ? На „ура“ и коли!

— Старый солдатъ идетъ въ бой, что на молитву. Господи, думаетъ, прости мнѣ грѣшному... Не самъ я иду, а по приказу... Тебѣ же, Господи живой, присягу приносилъ вѣрой и правдой!.. Не начти на мя зла сего, иже содѣяхъ и содѣю!.. А потомъ, пожалуй, и „ура“—и коли! Вотъ какъ настоящій солдатъ долженъ, а нежели ты говоришь съ легкимъ сердцемъ!

— Это по-вашему, по-старовѣрскому, такъ.

— Богъ, братъ, у всѣхъ одинъ, что у насъ, что у васъ. А Богъ одинъ—и вѣра одна... Только платье разное. По-твоему, Богъ для воронья войну выдумалъ, чтобы воронье да псовъ кормить... Дерево! Война—испытаніе, за грѣхи на ны посылаемое. Сюда, братъ, не съ легкимъ, а съ чистымъ сердцемъ надо идти... Ишь ты, точно на радость какую объявился!

Скоро подтянулся полкъ...

Какой-то толстый штабъ-офицеръ весь въ поту суетился въ траншеѣ.

— Послать Малыгина къ полковнику!— выходилъ онъ изъ себя.

— Да, ваше-скородіе, они ужъ пошли давно.

— А, пошелъ.. Такъ бы и говорилъ... Что идоломъ стоишь? Службу забылъ—руки гдѣ?

Солдатикъ вытянулся...

— Ну, то-то... Ты мнѣ скажи, кто ты та кой—верблюдъ или солдатъ?

— И ругатель же этотъ маіоръ, а пожаловаться грѣхъ... За что только вельбудомъ облаялъ?

— У этого маіора—какъ наскочишь. Это еще вельбудъ что?.. А какъ онъ меня вчера: пріустамши я былъ маленько, иду—не въ себѣ... „Ты, говорить, чего, масло чухонское,

ползешь... Забыль, какой дивизіи, крендель выборской?..“ И смѣхъ и обида...

— Вотъ что, Малыгинъ, — приказываль полковникъ, — собирайте охотниковъ — и маршъ сейчасъ же въ редутъ... Только смотрите, чтобы все обошлось тихо, смирно, благородно. Какъ монахи... Слышите. Наскочили, засѣли и колите, если у *нихъ* тамъ народу мало; коли много — пошлите намъ дать знать... Понимаете: съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой!..

— Все ли у васъ народъ надежный? — вмѣшался какой-то офицеръ.

— Не знаю, ваше благородіе, генераль съ краю отчиталь... Думаю ничего — шли хорошо...

— Такъ вы ужъ смотрите, — тихо, смирно, благородно... Огня безъ толку не открывать... Слышите — порядокъ!..

— Изъ моей роты всѣ у васъ, я ихъ знаю, такъ Офросимова-то солдатишку пошлите назадъ... онъ солдатишка храбрый, да ужъ очень „ура“ кричать любить. Чуть что — зажмурится, „ура“ и на рожонъ. Какъ бы не попортилъ.. Вы его ужъ сюда назадъ. Все вѣрнѣе.

— Онъ ужъ и у меня въ траншею съ разбѣгу...

— Ну, вотъ видите, какой солдатишка по-

впрочемъ, некогда было останавливаться. Тѣмъ не менѣе, онъ долго еще потиралъ руку... Ему казалось, что на ней до сихъ поръ сырѣетъ гниль разлагающагося трупа. Куда онъ ни смотрѣлъ, куда онъ ни заносилъ ноги, вездѣ были *они*... Въ разныхъ направле- нияхъ, искривленные, согнутые въ три-поги- бели, съ заброшенными кверху руками, съ руками, указующими куда-то... словно тѣ, кому они молили отомстить, находились имен- но по этому направленію...

Ночью смутные силуэты мертвыхъ были еще ужаснѣе, чемъ днемъ...

Псра, впрочемъ, было оставить ихъ въ покоѣ.

Когда Малыгинъ поднялъ голову — надъ нимъ точно неожиданно выросла громада Кри- шинскаго редута. Словно не онъ подошелъ, а она разомъ надвинулась на него... Змѣи, ползущія по травѣ, дѣлаютъ больше шуму, чѣмъ эта команда охотниковъ... Она кралась осторожно, шагъ за шагомъ... Изъ-за черна- го ночью вала свѣтилось. Вѣрно, тамъ костеръ пылаетъ, а у костра люди. Костеръ, должно быть, разложенъ недавно, потому что отсвѣтъ очень великъ... Страшно только, что шуму не слышать. Какъ это еще до сихъ поръ не при- шлось наткнуться на секреты турецкіе? Неужели они не выслали? Забыли, вѣрно, отъ

безпечности. А можетъ-быть, хитрость, западня... Засада...

Приостановились... Зашли къ редуту съ другой стороны—то же самое, тишина, глубокая тишина, тяжелая, словно туманъ, лежащая на сердце, тучей заволакивающая мозгъ... Съ этой стороны Плевно мелькнуло... Сколько огней тамъ!.. Оттуда слышенъ шумъ. Точно тысячи арбъ двигаются по громаднымъ булыжникамъ ухабистыхъ мостовыхъ... Точно тысячи голосовъ вторятъ этому шуму... А здѣсь, внутри редута, — молчаніе...

— Что бы это значило?..

На валахъ не видать силуэтовъ часовыхъ... Неужели они не выставлены?..

Нѣтъ, это не можетъ быть...

Просвѣтъ широкой амбразуры. Малыгинъ подкрался сюда... Мѣдный звѣвъ орудія выставился. Въ просвѣтѣ видны лафетъ, колеса... При орудіи никого... Сбоку часть редута видна... Сильный свѣтъ отъ костра... Траверсъ мѣшаетъ проклятый, черною стѣной загородилъ... Сильный свѣтъ костра — неужели всѣ сняты? Ни одного звука оттуда... Малыгинъ скользнулъ въ амбразуру... Ни живъ, ни мертвъ... Что называется, душа въ пятки ушла... Ноги сами безъ него ходятъ... Проскользнулъ и чутко-чутко слушаетъ. Прислонился къ орудію... Къ холодному металлу приложилъ пы-

дающую голову... Никого, рѣшительно никого... Взятая рукой за колеса и притянувшись къ нимъ, точно самъ не могъ бы пройти... Теперь и за траверсъ видно — уголокъ редута... Пустой совсѣмъ уголокъ. Рѣшительно непонятно!. Ступилъ ногой дальше. Господи!.. Прямо въ жестяной ящикъ отъ пуль пональ... Ящикъ загремѣлъ... въ молчаніи ночи шумъ этотъ сильнѣе выдѣлился... Сейчасъ кинутся... Присѣлъ на землю — и глаза закрылъ... А сердце такъ и стучить, такъ и стучить... Вотъ-вотъ... Что же это — никого?.. Рѣшительно никого... „Какъ не стыдно такъ трусить!“ Всталъ. . Увѣреннѣе уже идетъ... Вышелъ совсѣмъ за траверсъ. Вотъ онъ, весь редутъ передъ нимъ. Казематированныя землянки... Черные зѣвы ихъ прямо къ костру вышли... Пусто въ нихъ; заглянулъ въ одну — хламъ какой-то наворочень. Зола, потухшіе угли у самага входа... Что это тамъ шевелится внутри... Стоитъ кто-то... Да, стоитъ... Неподвижно... „Кто тутъ?“ шепчетъ Малыгинъ. „Кто тутъ?“ и сейчасъ же соображаетъ, что шопоть его такъ тихъ, что самому едва слышенъ. Взялъ себя въ руки. „Кто тутъ?“ Силуэтъ все-таки неподвиженъ .. Выбѣжалъ Малыгинъ, выхватилъ изъ костра головню — опять въ землянку. Какъ скоро пришелъ страхъ, такъ же скоро онъ и смѣхомъ смѣнился. Да

какъ же не смѣяться? хорошо, что еще никто не видѣлъ... Силуэтъ оказался балясиной, поддерживающей блиндированную кровлю землянки... Зашель въ другія—пустыя, совсѣмъ пустыя.

Нужно своихъ оповѣстить! Взбѣжалъ на валъ и во все горло:

— Братцы! Скорѣй сюда!.. Никого нѣтъ... Редутъ пустой совсѣмъ...

— Урра!..—всехнуло внизу... Изъ разныхъ мѣстъ, куда заползли охотники... Урра!.. Жидкое ура вышло. Особенно сравнительно съ грознымъ молчаніемъ этого чудовищнаго редута... Впрочемъ, ура—сразу оборвалось... ..А если турки недалеко... Чортъ ихъ знаетъ! Можетъ-быть, мину подложили... Фугасы тамъ, что ли? На воздухъ летать не особенно сладко...“

Охотники тихо входятъ въ редутъ... Разбѣгаются по всѣмъ сторонамъ...

— Ишь ты, только одну орудію и оставилъ!

— Велика больно, дылда-то... А вотъ съ эстаго мѣста свезли... Ишь, свѣжая колея...

— Да енъ, братцы, и съ дылды-то замокъ снялъ.

— А вотъ утромъ пошукаемся; гдѣ-нибудь, должно, близко бросилъ его — замокъ-отъ. Не унесетъ... Все, братцы, наше будетъ..

— Ну, это какъ Богъ дастъ.

— Известно, безъ Его куды.

— Братцы!..—послышалось въ сторонѣ совсѣмъ.

И какимъ голосомъ крикнулъ! Всѣхъ точно въ сторону отбросило... Сбились въ кучу, какъ бараны.

— Братцы!—голосъ вздрагиваетъ отъ ужаса... Турки—здѣсь...

— Смирно!.. Слушать команду!—Малыгинъ совсѣмъ овладѣлъ собою.

Солдаты построились... Ждутъ... Напугавшій всѣхъ подбѣгаетъ тоже, на бѣгу осматривая замокъ у ружья.

— Что тамъ?—спрашиваетъ Малыгинъ.

— Разговоръ турецкій?..

— Ничего не видно.

— Темень, глазъ выколешь. Безпремѣнно подвохъ...

— Ну, ужъ теперь поздно разсуждать. Живыми не дадимся. Сейчасъ наши подойдутъ... Намъ, братцы, только бы минутъ десять подддержаться. Стрѣлковая цѣпь живо выручить...

— Продержимся, отчего не продержаться?

Сбились... Стоять и смотрятъ на роковую землянку... Свѣтъ отъ костра падаетъ туда... Совсѣмъ черный зѣвъ... Нѣтъ, не совсѣмъ... Что это?

— Не смѣть стрѣлять безъ команды!—предупредилъ Малыгинъ.

Что это сгорбленное едва-едва ползеть от-туда? Красная феска... какъ разъ подь пла-менемъ костра.

Одинъ изъ солдатиковъ приложился было.

— Я застрѣлю тебя! Сказано, безъ коман-ды не смѣть!..

Аскеръ... Турецкій солдатъ и есть... Только сгорбленный весь, жалкій... Что это такое?

Красная феска все ближе и ближе... Подо-шелъ къ костру — на колѣни становится, ру-ки протягиваетъ.

— Аманъ, Аманъ!

— Это онъ прощенья просить, — живо за-говорили солдаты. — Чего же ты напугаль всѣхъ, дурья твоя башка? — посыпались уко-ры на солдатика, взбуторажившаго всѣхъ. — Теперь тебя бы по затылку за это?

— Я тутъ ни при чемъ, братцы, — слышу по-турецки говорить.

И онъ живо подбѣжалъ къ турку:

— Низамъ, а, низамъ?..

— Низамъ, низамъ... — закивалъ головой ту-рокъ.

— А не баши-бузукъ?

— Юкъ, баши - бузукъ... Баши - бузукъ — тьфу! — энергично объяснилъ пойманный.

— Ну, коли низамъ, значить, солдатъ — то-варищъ.

Солдатъ вытащилъ трубку, набилъ ее, вы-

хватилъ уголекъ изъ костра, затянулся, пустилъ струю дыму по вѣтру, потомъ вложилъ трубку въ зубы турку. . Другіе тоже тутъ, хлопываютъ его по плечу - радуются, какъ дѣти... Сразу первый пріятель сталь...

— А еще есть турка здѣсь?

— Има тука турци?..—перевелъ одинъ болгарски.

Турокъ показаль на одну землянку, потомъ положилъ щеку на ладонь, изображая спящаго.

Взяли головню, сунулись туда, видятъ—развалился громадный молодчинище низамъ и спить. Толкнули,—не встаетъ, еще разъ—съ тѣмъ же успѣхомъ... Что за причина?

— Да онъ мертвый, ребята!

— И есть!..

— Ахъ, ты, бѣдный, бѣдный...

— Чего бѣдный? живъ бы былъ, онъ бы тебѣ задалъ...

Около валяется феска. Солдатыкъ повеселѣй захватилъ ее и нацѣпилъ на голову—шутка понравилась; другой стащилъ феску съ живого турка, а свою кепку надѣлъ на него. Хохотъ пошелъ. Турокъ тоже развеселился... Заболталъ что-то по-своему, грѣя руки надъ огнемъ, а потомъ поднялъ куртку и показаль рану въ боку...

— Мы, братъ, тебя живо вылѣчимъ... У насъ во какъ хорошо.

— А что у насъ-то хорошаго?

— Что?..

— Да, что?..

— Какъ что. Хоша бы каша теперь! — обрадовался солдатъ.

— Да ты ее когда ѣлъ, кашу-то?

— Въ Рассеѣ ѣлъ.

— Эхъ ты, мутовка!

Подошелъ полкъ. Солдаты весело стали соскакивать въ редутъ. Окружили турка, давай его спрашивать.

— Ты его не больно... Енъ, братъ, раненый...

Турка оставили въ покоѣ. Подошло начальство...

— Переводчика! Гдѣ переводчикъ? Куда этотъ братушка всегда исчезаетъ?

— Явился переводчикъ, обиженный.

— Я, ваше благородіе, всегда при васъ. Помилуйте!

Начался допросъ...

А изъ Плевны доносился грохотъ обозовъ, крики погонщиковъ, топотъ тысячи ногъ... за Видомъ все еще было тихо... Далекое-далекое, на самомъ горизонтѣ, сверкали костры на позиціяхъ у гренадеровъ...

— Ну, Малыгинъ, спасибо... Тихо, смиренно, благородно сдѣлали дѣло... Молодцомъ. . Вуль-

фертъ, разставьте часовыхъ и велите солдатамъ отдыхать. Завтра еще понадобятся, можетъ-быть...

Сѣрыя фигуры привалились гдѣ попало... Разошлись по землянкамъ... Скоро въ реду-тѣ стало совсѣмъ тихо. Только плѣнный ту-рокъ грѣлся у костра, да бормоталъ про себя что-то...

Ночь стояла мрачная и беззвѣздная... Тучи заполонили все небо... Снизу казалось, что онѣ именно надъ редутомъ скопляются зловѣщія и могучія... Малыгину не спалось... Первы шалили опять, грезилося не вѣсть что... голова кружи-лась. Вышелъ изъ землянки—холодно... Взобрался на брустверь... Прислушался. Вдали—далеко-далеко, должно быть, надъ Видомъ, точно волны вспѣннаго моря въ берега бьют-ся. Слышенъ говоръ, доносится движеніе де-сятковъ тысячъ людей... Направо, въ Плевнѣ, потухли послѣдніе огни. Бѣлесоватымъ пят-номъ рисуется она въ своей котловинѣ... Ни-чего не различишь.

Часа два прошло... Свѣтать стало... Тучи исчезаютъ съ неба, точно дорогу солнцу да-ютъ... Первый румяный отсвѣтъ скользнулъ по гребнямъ холмовъ... Начиналось 28-е ноября...

— Къ ружью!..

Отъ потрясающаго артиллерійскаго залпа проснулось и повскакало все... Сотни орудій

сразу бросили свой вызовъ гренадерской дивизіи...

Наступилъ послѣдній актъ кровавой плененской трагедіи.

Полчища Османа раскинулись впереди, чтобы прорвать охватившее ихъ отовсюду желѣзное кольцо.

— Господи, спаси и помоги!—крестились солдаты, снимая шапки.

Раненый турокъ тоже стоялъ на молитвѣ.

КНИГИ, СОСТАВЛЕННЫЯ И. СМІРНОВСКИМЪ.

Учебникъ русской грамматики (Этимологія и Синтисъ) для церковно-приходскихъ школъ. 4чилищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ одобренъ для церковно-приходскихъ школъ въ качествѣ учебнаго руководства. 1897 г. Ц. 12 к.

Вся нижеслѣдующія 11 изданій Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрены въ качествѣ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній.

I. Приготовительный курсъ русской грамматики. Учебникъ для подготовительнаго класса и вообще для начинающихъ. Изд. 5-е, 1897 г., ц. въ перепл. 25 к.

II. Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среди учебн. заведеній.

Часть I—Этимологія, изд. 13-е, 1897 г., ц. въ перепл. 55 к.

Часть II—Синтаксисъ, изд. 8-е, 1897 г., ц. въ перепл. 65 к.

III. Грамматика древняго с.-славянскаго языка, изложенная сравнител. съ русскою. Изд. 11-е, 1897 г., ц. въ перепл. 75 к.

IV. Сборникъ періодовъ, выбранныхъ изъ произведеній русскихъ писателей (1789—1880 г.), ц. 20 к.

V. Русская хрестоматія въ двухъ частяхъ, часть I (для 1-го и 2-го кл.), изд. 12-е, 1897 г., ц. въ перепл. 85 к.; часть II, изд. 12-е, 1897 г. (для 3-го и 4-го кл.), ц. въ перепл. 1 р.

VI. Маленькая русская хрестоматія для дѣтей, проходящихъ курсъ русскаго языка, соответствующій подготовительному классу при гимназіяхъ Министерства Народнаго просвѣщенія. 112 страницъ и 8 стр. предисловія, съ 32 рисунками. 1896 г. Изд. 4-е, исправл., ц. 15 к. Допущена въ подготовительные классы гимназій иprogимназій.

VII. О курсѣ чтенія въ четырехъ младшихъ классахъ гимназій, основанномъ на задачахъ общеобразовательной школы, съ приложеніемъ объяснительной записки къ обѣимъ частямъ Русской хрестоматіи. Ц. въ перепл. 45 к.

VIII. Теорія словесности, съ приложеніемъ статей: 1) Поэзія, какъ изящное искусство; 2) Элементарныя свѣдѣнія изъ логики; 3) Элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи. Изд. 9-е, 1897 г., ц. въ перепл. 90 к.

IX. Сборникъ статей, какъ приложеніе къ учебнику теоріи словесности. Изд. 3-е, ч. I, ц. въ перепл. 75 к. Ч. II, ц. въ перепл. 75 к.

X. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Часть I (народная словесность литература отъ начала письменности до Ломоносова), ц. 1 р. 40 к. Часть II (отъ Ломоносова до Карамзина), ц. 1 р. 15 к. Часть III (отъ Карамзина до Пушкина), ц. 1 р. 50 к. Ч. IV (отъ Пушкина до новайшаго времени), ц. 1 р.

XI. Курсы систематическаго диктанта. Часть I (для 1 и 2 кл.). Изд. 13-е, 1897 г., ц. въ перепл. 75 к. Часть II (для 3 и 4 кл.). Изд. 6-е, 1897 г., ц. въ перепл. 55 к.

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

съ приложеніемъ портрета автора, его біографіи, написанной П. А. Плетневымъ, примѣчаній, составленныхъ по В. Θ. Кеневичу, и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова П. Смирновскаго. 332 страницы, 1897 года. Цѣна 1 руб.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы въ качествѣ пособія при изученіи басенъ Крылова въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для ученическихъ бібліотекъ этихъ заведеній, а также для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читаленъ.

Оглавленіе: Біографія Крылова (написанная П. А. Плетневымъ). Очеркъ дѣятельности Крылова до 1808 г. (П. Смирновскаго). Басни Крылова. Примѣчанія къ баснямъ (по В. Θ. Кеневичу). Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ басняхъ Крылова (П. Смирновскаго). Имена и образы, заимствованные изъ классической древности (П. Смирновскаго). Степень оригинальности басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Историческое и общечеловѣческое значеніе басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Народность басенъ Крылова (П. С.). Художественность басенъ Крылова (П. С.). Алфавитный списокъ басенъ Крылова съ указаніемъ страницъ.

Томе, удешевленное изданіе для школъ и народа съ 75-ю гравированными рисунками, съ портретомъ автора и его біографіей. М. 1898 г., изд. 2-е, цѣна въ бумаж. 15 к., въ папѣ 20 к. и въ коленкор. перепл. 35 к.

**ГДѢ НА РУСИ КАКОЙ НАРОДЪ ЖИВЕТЬ И ЧѢМЪ
ПРОМЫШЛЯЕТЬ.**

28

Чтеніе 1-е. Самоѣды, Лопари, Зыряне и Поморы. М. 1897 г. ц. 10 к.

* Чтеніе 2-е. Жители лѣсной полосы. М. 1897 г. ц. 10 к.

Чтеніе 3-е. Новороссія (Богатыя степи). М. 1898 г. ц. 10 к.

* Чтеніе 4-е. Малороссія (Благодатный край). М. 1898 г. ц. 10 к.

* Чтеніе 5-е. Крымъ (Жемчужина Россіи), съ 2-мя рисунками въ текстѣ. М. 1898 г. ц. 10 к.

* М. Н. Пр. допущены въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народн. бібліотеки и читальни, и для публичныхъ народн. чтеній.

Чтеніе 6-е. Казаки (Черноморцы и Терцы). М. 1899 г., ц. 10 к.

Чтеніе 7-е. Казаки (Донцы и Уральцы). М. 1899 г., ц. 15 к.

Чтеніе 8-е. Камчадалы и Курильцы. (Завоеваніе Камчатки и Курильскихъ острововъ). М., 1899 г., ц. 15 к.

Каждая книжка съ картинкою на обложкѣ соответствующей тексту.

Болжинскій. Замѣчательные люди. Біографія: Ломоносова, Кулибина, Власова, Слѣпушкина, Кольцова, Ермака Тимофееча, Меншикова, Потемкина, Сперанскаго, Суворова, Минина, Пожарскаго и Сусанина, ц. 20 к.

Его же. Полезное чтеніе для грамотнаго простолюдина, ц. 20 к. Съ картинкою на обложкѣ.

Дюфренъ, I. Руководство къ изученію шахматной игры для начинающихъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ указаніемъ на рисункахъ разстановки и др. ходовъ шахматъ. М., 1897 г., ц. 50 к.

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ учебника нѣмецкаго языка Ивана Аллендорфа, ч. I. и II. Составленъ по послѣднему изданію. М. 1899 г., ц. по 15 коп. каждая часть.

— Къ полному курсу французскаго языка А. Шалланда, по послѣднему изданію. Съ прибавленіемъ перевода статей съ французскаго языка на русскій и обратно. Ч. I-я. М. 1898 г., ц. 20 к.

— Тоже, ч. II. М. 1899 г. ц. 35 к.

Колокольникова, В. Кавказъ, очеркъ. М., 1898 г., ц. 15 к. Съ картинкою на обложкѣ.

М. Н. Пр. допущено въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни и для публичныхъ народн. чтеній.

Ея же. Церковно славянскій словарь. Для толковаго чтенія Св. Евангелія, Псалтыри и Часослова. С.-Пб., 1897 г. ц. 10 к.